

Александра Третьякова (Трир)

Коммуникативные лирические отношения и способы выражения субъекта в поэзии Елены Зейферт (на материале сборника «Веснег»)

Коммуникативные отношения в лирическом стихотворении всегда привлекали исследовательское внимание как важный аспект смыслообразования. Е. Козицкая определяет их как взаимоотношения «я» и «ты», взаимодействие их смысловых позиций.¹ Не менее интересны они в пределах цикла, так как становятся здесь проявлением одной из граней авторской концепции. Раскрытие сущности «я», а также его отношения к окружающему миру и является особенностью лирического текста. Исследование лирической коммуникации в том или ином стихотворении способствует раскрытию сути лирики как особого рода литературы. При этом представляется необходимым анализ способов выражения образов субъекта, или адресанта, и лирического адресата, отношений людей и животных, вещей и их владельцев, человека и Бога. Материалом данного исследования послужил сборник стихотворений и верлибров «Веснег» (2009) Елены Зейферт, в который входят оригинальные стихотворения и поэмы на русском и частично на немецком языках, а также переводы на русский язык немецкоязычных стихотворений Райнера Марии Рильке, Эльзы Ласкер-Шюлер, Виктора Шнитке.

Коммуникативные лирические отношения

И. Романова² разработала методику, позволяющую выделить три типа коммуникативных лирических отношений:

1. **Безлично-безадресный тип:** субъект и адресат максимально скрыты; тематическая направленность на окружающий мир.

2. **Эготивный тип:** субъект находится в центре и без адресата; преобладание сосредоточенности на «я».

3. **Апеллятивный тип:** единое обращение к тому или иному эксплицитному адресату; выраженная направленность поэтического сознания на «ты».

Остальные коммуникативные формы носят смешанный характер: либо одна часть стихотворения построена по одному коммуникативному прин-

¹ Козицкая (2000, с. 171).

² Романова (2007, с. 38-39).

ципу, а вторая – по другому, либо один тип усложняется другим или даже двумя другими типами.

В сборнике «Веснег» преобладающим по численности является эготивно-апеллятивный тип. В этих стихотворениях либо эготивный текст усложняется апеллятивными элементами, либо наоборот. При этом адресатом обращений лирической героини (чаще всего именно героини, а не героя) является некий или некая «ты» (*А ты Давид. Ты статуя нагая;*³ *Ты совершенна...*);⁴ объекты и явления природы: животные (*Ты станешь весь из молока, / Щенячий мальчик, млечный боу*),⁵ солнце и луна (*Sonne беби зачем тебе белый твой свет*);⁶ снег (*Ты закрой меня Schnee от людей от тепла и золы*).⁷ Особым (над)адресатом становится Бог. Помимо ряда стихотворений, восхваляющих Святое («Икона»,⁸ «Богу»,⁹ «Молитва»¹⁰), обращение к Богу проявляется в многочисленных произведениях: лирический субъект обращается к Всевышнему, критикуя общество (*homo ludens (о Боже) – не homo ль ubludens, о люди?*),¹¹ в минуту отчаянья (*Это ты посылаешь мне / или просто не можешь помочь?*)¹² или восхваляя им созданный мир. Г. Ермошина подчеркивает, что для Зейферт главное даже не присутствие Бога в мире, а его присутствие в человеке – любом, каждом.¹³

Вторую по численности позицию занимает эготивный тип и третью – апеллятивный тип. Лирическое «я» наиболее ярко представлено в стихотворениях второго типа, однако сосредоточенность на субъекте, а также его взаимоотношения с окружающим миром и лирическим «ты» присутствует почти в 70% проанализированных стихотворений цикла "Веснег" и является отличительной чертой поэзии Елены Зейферт.

Способы выражения субъекта

В ходе нашего исследования мы придерживались позиции С. Бройтмана, который определяет лирический субъект как «носителя речи, а также ос-

³ Зейферт (2009, с. 67).

⁴ Там же, с. 84.

⁵ Там же, с. 22.

⁶ Там же, с. 33.

⁷ Там же, с. 35.

⁸ Там же, с. 11.

⁹ Там же, с. 12.

¹⁰ Там же, с. 13.

¹¹ Там же, с. 17.

¹² Там же, с. 10.

¹³ Ермошина (2009).

новой (объемлющей) точки зрения на мир и оценки в лирическом художественном произведении».¹⁴ В соответствии с классификацией И. Романовой,¹⁵ мы выделяем следующие способы выражения лирического субъекта в тексте: «я» повествующее, «я» повествуемое, «мы» инклюзивное (я + ты – мы с тобой);¹⁶ «мы» эксклюзивное (представляет собой модель я + он / она или я + они)¹⁷, а также в виде формулы¹⁸ я + все или мы = мир.¹⁹

Исследуя разные формы проявления субъекта в произведениях Елены Зейферт, стоит отметить, что лишь две его формы, **повествующая** (принимая на себя роль нарратора; при этом «я» имеет возможность быть авторским и персонажным) и **повествуемая** (говорящая форма субъекта, являющаяся одновременно и предметом описания лирического текста),²⁰ встречаются в стихотворениях Зейферт. **Безличная** же его форма, не определяющая статус говорящего и описывающая какое-либо событие / действие, вряд ли вообще характерна для сборника «Веснег», а также для поэзии Зейферт в целом, так как именно *личный* характер является отличительной частью ее творчества. Безличная форма не описывает личность носителя сознания, сосредотачивает внимание читателя на том, что изображается, а не на том, кто изображает. Его присутствие выявляется лишь в его взгляде на происходящее, его жизненной и моральной позиции.²¹ Но даже если субъект не выражен грамматически (окончаниями глаголов, местоимениями и т.д.), его присутствие и черты характера отчетливо проявляются именно в этой позиции и видении вещей:

Полутораухий щеночек
(«Пустите, пустите в подъезд!»)
то кость после Лорда обточит,
то с птицами крошек поест...

Бедняжке и имя не дали
и кликали все вразнобой.
Бывало, камнями бросали,
а в общем... не брали с собой.²²

Субъект не растворен в тексте, а «выдает» свой внутренний мир: он способен к сочувствию (*полутораухий; бедняжка; влажные горошины*) и сосре-

¹⁴ Бройтман (2008, с. 112-113).

¹⁵ Романова (2007).

¹⁶ «Мы с тобою похожи, палач мой, как хохот на плач.» Зейферт (2009, с. 25).

¹⁷ «Волга! Mutter! И в тысяче мест / остаёмся мы Wolganigger.» Там же, с. 28.

¹⁸ «Кто мы? что мы? Мы все пылинки.» Там же, с. 70.

¹⁹ Азарова (2017).

²⁰ Сергеева (2008, с. 250, 254).

²¹ Там же, с. 249.

²² Зейферт (2009, с. 19-20).

доточен на страдании живого. Так поданный субъект сознания оказывается уже предметом изображения – «собственной темой», или субъектом-для-себя в терминологии С. Бройтмана.²³ Д. Черашняя отмечает «столь естественную для автора книги „Веснег“ причастность к чужой жизни как к своей, неподдельную боль за все живое, страдающее, сиротствующее».²⁴

Более четко субъект выявляется при анализе целого лирического цикла, поэтому следует рассмотреть и следующее стихотворение, одно из немногих с «псевдо-безличным» субъектом:

На стеклянной витрине киоска
в подземном переходе –
нарисованный Чебурашка.

Полуслепая нищая старушка,
принимая его за продавца,
просит милостыню...

«Сынок, на хлеб...»²⁵

Опять же взгляд «скрытого» субъекта сосредотачивается на страдании полуслепой нищей старухи, которую не услышат ни бездушное стекло, ни нарисованный Чебурашка. Как название «Когда сжимается сердце», так и тройная аллитерация (*полуслепая, принимая, просит*), фокусирующие повествование на описании старушки, выражают сочувствие, сожаление и сострадание, открывая дверь во внутренний мир субъекта.

Таким образом, безличная форма субъекта не встречается в стихотворениях цикла «Веснег», так как субъект так или иначе проявляет себя. Названные примеры стоит, скорее всего, отнести к измененной форме повествовающего способа выражения, который мы рассмотрим в дальнейшем.

Повествующий способ выражения лирического субъекта, способный позиционировать себя в пространстве и времени, определяя таким образом точку зрения, с которой ведется повествование, намного реже встречается в сборнике,²⁶ нежели **повествуемый**. Это «я» может позиционировать себя как нарратор, предлагая свою точку зрения, давая эмоциональную оценку объекту описания. Этот тип субъекта может быть выражен местоимением первого лица единственного либо множественного числа, т.е. быть авторским, либо же персонажным, выраженным местоимением третьего лица единственного числа.²⁷

²³ Ср. Каргашин (2015, с. 69).

²⁴ Черашняя (2009).

²⁵ Зейферт (2009, с. 150).

²⁶ Однако не личность говорящего является главной темой поэтического произведения, а внешний мир, включающий и других людей.

²⁷ Ср. Сергеева (2008, с. 250-251).

Повествующая (а также повествуемая) форма эксклюзивного «мы» несколько раз встречается в сборнике Зейферт, например, в стихотворении «Бог. Новый Вавилон», в котором субъект, выраженный местоимением «мы», обращается к общечеловеческим проблемам веры, присутствия и поиска Бога на земле, а также роли поэта в нем, задавая при этом риторические вопросы: *Господи, как смеем? Как смоем дерзость?*²⁸ Чаще речь идет о «мы» как «ты и я», но эта форма выражения скорее относится к повествуемому типу.

В следующем произведении встречаются оба местоимения «я» и «мы», то есть лирический субъект – одновременно само общество «мы» и в то же время индивидуум «я», являющийся частью этого общества. Они объединены одной общей проблемой, которая становится объектом описания: серая, жалкая масса людей – общество потребления, толкущееся ежедневно в разноцветных автобусах-упаковках, жертва рекламы:

Автобусы раскрашены под пачку чая,
Под стиральный порошок, под кубики «Maggi».

Нас учат удивительному искусству перевоплощения.

Утром, в жарком запечатанном салоне,
Мы, жалкие чайники, лежим друг на друге.
Вечером я – маленькая мятная карамелька,
В тесной коробке,
Завернута в нарядный бумажный фантик.
Пытаюсь озираться – чья обертка лучше?
На свидание спешу крупницей порошка [...]»²⁹

Критическая позиция субъекта, ярко выраженная уже с первых строк, особенно четко просматривается в сопоставлении *мы, жалкие чайники; я – карамелька в тесной коробке; я и любимый – (никчемные) одинаковые крупницы порошка*; а также в последних строках *Не хочу идти на пользу потребителю. / И никаких поездок*, в которых субъект «я» (выраженный формой глагола) противостоит принуждению быть частью серого общества в цветном автобусе.

Лирическим объектом-персонажем стихотворения «Дверная ручка отслужила срок» миницикла «Нет имени у вещи...» становится старая дверная ручка:

Дверная ручка отслужила срок,
Но вечного не заслужила рая.
Мне память вещи подает урок,
И я в недоуменье замираю,
Касаясь круглой гладкости рукой,

²⁸ Зейферт (2009, с. 7).

²⁹ Там же, с. 156.

Столь непривычной после деревянной
Шероховатости, что на покой
Легла в углу балкона безымянной. [...] ³⁰

Субъект одушевляет ее, говоря о ее верности, о ею заслуженном рае, раскрывая при этом такой взгляд на вещи: предметы и вещи для нее (него) обладают определенной степенью родства, когда они проживают общую жизнь со своим владельцем. Жизнь вещи – не абстрактное явление, а вполне определенная категория совместного бытия. Вещи преданы, они зависимы от своего хозяина, им не дано права на свободную от него жизнь, на личный голос, поэтому они становятся частью его бытия. ³¹

Перейдем к последнему, самому весомому в сборнике типу лирического субъекта – **повествуемому**. Говорящее Я является носителем сознания и стоит при этом в фокусе изображения. В центре внимания его состояние, его отношение к миру. Такое «я» представлено в сборнике разными способами:

- непосредственно через «я», возникающее в большинстве стихотворений цикла и наиболее ярко представленное в повествуемой форме;
- через глагол-предикат в 1-ом л. ед. ч.: *не забываю, открываю, спешу, подхожу* – при отсутствии местоимения (см. последний пример);
- как «другой» со стороны в 3-ем л.: *Он мускулист, силен, готов к броску;*³² *Девочка лет четырех;*³³ *До утреннего кофе он спешил открыть;*³⁴ *Казахстанской Золушке здесь невозможно;*³⁵
- с помощью местоимения второго лица «ты»: *Ведь ты умеешь лстить;*³⁶ *А ты Давид. Ты статуя нагая;*³⁷
- метонимически, через духовные и телесные составляющие: *головешки рук;*³⁸ *знак бесконечности;*³⁹ *сердце-ястребенок;*⁴⁰ *молчание;*⁴¹ *облик твой – виртуальные буквы;*⁴² *мой зрачок – чужеземец.*⁴³

³⁰ Там же, с. 41.

³¹ Ср. Ермошина (2015).

³² Зейферт (2009, с. 15).

³³ Там же, с. 148.

³⁴ Там же, с. 63.

³⁵ Там же, с. 28.

³⁶ Там же, с. 73.

³⁷ Там же, с. 67.

³⁸ Там же, с. 33.

³⁹ Там же, с. 38.

⁴⁰ Там же, с. 85.

⁴¹ Там же, с. 95.

⁴² Там же, с. 61.

⁴³ Там же, с. 62.

В эготивном, а также эготивно-апеллятивном виде лирических отношений преобладает выражение субъекта через «я». Далее по убывающей следуют способы выражения с помощью «ты» и третьего лица. При этом метонимический способ является вспомогательным во всех коммуникативных типах. Духовные и телесные составляющие, посредством которых лирический субъект выражает себя, значимы для всего поэтического цикла. В группу лексических наименований, обозначающих духовные, интеллектуальные и эмоциональные составляющие, входят следующие:

- **душа:** *а душа моя, сжавшись до километра боли;*⁴⁴ *дай пристанище моей душе*⁴⁵; *две души истомились в груди;*⁴⁶
- **молчание / немость – крик:** *дыхание немых молитв;*⁴⁷ *немая немка;*⁴⁸ *онеметь на время стихам;*⁴⁹ *Я кричу на языке Слова;*⁵⁰ *от бессилия плакать в голос;*⁵¹
- **воспоминание:** *Я помню, как Гончар меня лепил;*⁵² *я помню, как кружилась голова;*⁵³ *забыв о былой своей людности;*⁵⁴ *я ярко помню.*⁵⁵

Группа наименований телесных составляющих представлена следующими лексическими единицами:

- **руки / пальцы:** *свои корни руками латаю;*⁵⁶ *обугленных рук моих тыл;*⁵⁷
- **губы / рот:** *рот, вмещающий два языка;*⁵⁸ *пепел губ твоих;*⁵⁹ *а рот как грог;*⁶⁰
- **глаза:** *по твоим голове и глазам;*⁶¹ *ни губ, ни глаз любовного питья.*⁶²

⁴⁴ Там же, с. 23.

⁴⁵ Там же, с. 13.

⁴⁶ Там же, с. 26.

⁴⁷ Там же, с. 14.

⁴⁸ Там же, с. 23.

⁴⁹ Там же, с. 27.

⁵⁰ Там же, с. 48.

⁵¹ Там же, с. 65.

⁵² Там же, с. 91.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же, с. 131.

⁵⁵ Там же, с. 79.

⁵⁶ Там же, с. 27.

⁵⁷ Там же, с. 32.

⁵⁸ Там же, с. 22.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Там же, с. 50.

⁶¹ Там же, с. 31.

Как видим, метонимический способ выражения субъекта способствует раскрытию его внутреннего мира.⁶³

Анализ произведений «Веснег» позволяет выявить определенную целостность субъекта, поскольку наблюдаются некоторые так или иначе повторяющиеся его черты: уже ранее описанное сострадание всему живому – превознесение и восхищение.

Вещь так беспомощна, безропотна, верна,
что хочется ей в ноги поклониться
и влить в нее созвучие сполна,
и за грехи людские повиниться.⁶⁴

[...]

Нынешнего счастья дождавшись,
Теплая, сплетенная с тобою,
Прошлому скажу: «Дождь мой! Да, в жизнь
Ты принес покоя и прибоя».⁶⁵

[...]

Кроме того, лирический субъект Зейферт – в вечном поиске, а точнее, познании Всевышнего, сближении с ним:

Взаимная любовь на Земле – зернышки,
протянутые мне, жалкой, в ладошки Богом...

...Господи, родненький,
неужели ты хочешь забрать их?..

Или – еще горше!!!

Я должна их вернуть сама?⁶⁶

Неотъемлемой чертой героя / героини является также языковая, немецко-русская «раздвоенность», попытка соединения в себе двух традиций⁶⁷:

Саша, я ищу среди развалин
Старого Берлина красный флаг.
И не кремль – коричневый рейхстаг!
Немец иль фашист – мой старый враг,
Waterland – хорош, но федерален.⁶⁸

⁶² Там же, с. 51.

⁶³ Ср. Романова (2009, с. 97).

⁶⁴ Зейферт (2009, с. 43).

⁶⁵ Там же, с. 46-48.

⁶⁶ Там же, с. 71.

⁶⁷ В предисловии сборника Олег Федотов заостряет внимание именно на этом факте: «Вся художественная система книги Елены Зейферт возвращает нас к заглавию «ВЕСНЕГ – ВЕСНЕР – ЧАША». Слова двух языков пристально всматриваются друг в друга, взаимодействуют и высекают новые неожиданные смыслы, призывая читателя приникнуть к полной чаше сотворчества».

[...]

Русской крови ни капли в жилах,
А язык до восторга родной!
Четверть красной семитской застыла
В трех четвертых густой – голубой.⁶⁹

[...]

Рот, вмещающий два языка.
Отче, Vater, скажи, чья дочь я? [...] ⁷⁰

При этом в обеих формах выражения субъекта, повествующей и повествуемой, проявляются биографические отсылки к самой Елене Зейферт, иногда конкретные («Маме. Спаси Бог. С.А. Зейферт»,⁷¹ «Отец И.Ф. Зейферту»,⁷² «ЕЗ»⁷³), чаще же – косвенные. Глубокая православная религиозность Зейферт особенно ярко выражается в субъектах эготивно-апеллятивного типа. Здесь вера тесно связывается с творчеством, «тканием» стихотворений. Писатель становится поэтом именно в процессе поиска божественного слова, восстанавливая текст как мир из обрывков, обломков разбившейся речи.⁷⁴

– Господи, дай ребеночка!
На колени ложится белый лист.
Рождается стих.
Бог слышит все.⁷⁵

Еще одной параллелью между лирическим субъектом и поэтом становится проблематика раздвоенности русско-немецкого. Она просматривается в ряде стихотворений: «Александру Абезгаузу в Германию»,⁷⁶ «Верлибр: Вера в Liebe» (*Я сумасшедшая русская оттуда, где была сумасшедшей немкой*);⁷⁷ ср. также *русской крови ни капли в жилах, а язык до восторга родной*.⁷⁸

Итак, мы установили, что в стихотворениях книги Елены Зейферт «Веснег» преобладают произведения эготивно-апеллятивного типа лирической коммуникации, а также повествуемая форма субъекта. Он занимает ведущее место в сборнике, и хотя способы выражения его разнообразны, способ проявления через местоимение «я» преобладает.

⁶⁸ Там же, с. 23-24.

⁶⁹ Там же, с. 27.

⁷⁰ Там же, с. 29.

⁷¹ Там же, с. 77.

⁷² Там же, с. 78.

⁷³ Там же, с. 38.

⁷⁴ Ср. Ермошина (2015).

⁷⁵ Зейферт (2009, с. 13).

⁷⁶ Там же, с. 23.

⁷⁷ Там же, с. 25.

⁷⁸ Там же, с. 27.

Литература

- Азарова, Н. (2017, в печати): Новые проблемы старого мы // Russian literature. http://natalia-azarova.com/pdf/we_new.pdf (25/07/2018).
- Бройтман, С. (2008): Лирический субъект // Тамарченко, Н. (отв. ред.): Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий. М. 112-113.
- Ермошина, Г. (2010): Елена Зейферт. Веснег. В поисках божественного слова // Знамя. 5, 2010. <http://magazines.russ.ru/znamia/2010/5/er27.html> (10/04/2017).
- Зейферт, Е. (2009): Веснег: Стихи и переводы. М.
- Каргашин, И. (2015): Проблемы типологии субъектных структур в лирике О. Мандельштама // Новый филологический вестник. 1 (32), 2015. 68-74.
- Козицкая, Е. (2000): Своеобразие субъектно-объектных отношений в лирике А. Блока // Сура. 4, 2000. 171.
- Романова, И. (2007): Поэтика Иосифа Бродского: Лирика с коммуникативной точки зрения. Смоленск.
- Романова, И. (2009): Проблема лирической коммуникации в раннем творчестве Татьяны Бек // Вестник Удмуртского университета. 3, 2009. 92-100.
- Сергеева, Ю. (2008): К вопросу о коммуникативной структуре лирического произведения // Вестник Тамбовского университета. 11, 2008. 248-253.
- Черашняя, Д. (2009): Вечно незаконченное. Отзыв о книге «Веснег». http://leinonen.ucoz.com/Druziya/EZeifert/BECHEr_rezensionen.html (10/04/2017).